

Мила Сербинова

Бессмертная

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сербинова М.

Бессмертная / М. Сербинова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Есть ли оправдание преступлениям и можно ли совершить убийство безнаказанно? Сколько жизней может быть у одного человека? Личная драма и противоречивые поступки Анны Викторовны Чайкиной заставляют задуматься о многих вещах и провести переоценку ценностей. Полная драматизма жизнь главной героини никого не оставит равнодушным. Личная трагедия, жгучая месть и преступления на одной чаше весов. Доброта, забота об осиротевших детях и помощь попавшим в беду людям на другой чаше. Трудно составить цельное представление о столь противоречивой личности, как Анна. Первый роман из серии «Убийцы поневоле».

Содержание

Глава первая. Исповедь	6
Глава вторая. Ванька	14
Глава третья. Шутка Богов	26
Глава четвертая. Подарок судьбы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

*Будь проще к людям.
Хочешь быть мудрей –
Не делай больно мудростью своей*
Омар Хайям

Глава первая. Исповедь

Несмотря на то, что был конец июня, в лицо дул порывистый ледяной ветер. Мокрый снег налипал на лицо, волосы, слепил глаза и все норовил пробраться под капюшон куртки. Северный полюс был уже недалеко. Это чувствовалось как по погоде, так и по негостеприимно приветствовавшим редких в северных широтах гостей айсбергам, которых становилось все больше по мере продвижения плавучего гиганта вглубь свинцово серых арктических вод. Анна задумчиво стояла на палубе атомного ледокола «Северное сияние», в нерешительности вертя в руках небольшую серую записную книжку. Она всерьез раздумывала, не выбросить ли ей за борт этот ненавистный блокнот, полный воспоминаний о пережитых ею страданиях и боли, хотя, с большим удовольствием она сама кинулась бы в бездонную водную пропасть, чтобы найти вечный покой в ее глубинах.

Известный швейцарский психоаналитик Герман Гор настоятельно рекомендовал Анне записывать в дневник все свои мысли и тревожные воспоминания. Он советовал в деталях описать свои чувства за последние годы, а, главное, никогда и никому не показывать эти записи. Анна послушно последовала его рекомендации. На обложке серой записной книжки ничего не было написано, зато на ее первой странице было неровным почерком нацарапано: «Исповедь: записки раненной души». Рукопись начиналась словами:

«Я – дура! Я – Анна Викторовна Чайкина, кандидат экономических наук, начальник отдела управления крупной агрокомпания, акционерного общества «Шелуха». Точнее, была начальником. Была до сегодняшнего дня... Сегодня меня уволили по сфабрикованному обвинению в разглашении коммерческой тайны, хотя никакой утечки информации вообще не было. Сказали, что я им должна быть благодарна уже за то, что вопрос решился внутри компании. Выходное пособие, конечно же, не заплатили. Просто нужно было освободить теплое местечко для вернувшейся из Лондона дочери директора Жмыхова Петра Александровича Александры. Я по наивности полагала, что шеф мой друг. Он всегда чутко прислушивался к моим советам, прилюдно хвалил, что безмерно льстило моему самолюбию. Обещал сделать своим замом, повысить зарплату. Я как проклятая вкалывала на благо компании по двенадцать часов в сутки и вот что я получила. Так мне и надо! За семь лет работы в компании у меня не появилось ни одного стоящего друга. Я никуда не выезжала из Москвы. Было несколько мимолетных ничего не значащих романов – и всего-то. Правда, три года назад в моей жизни появился Васька, точнее средней руки программист Василий Мошкин. Зовет меня замуж. Васька простоват, нелепо одевается, но, вообще, он хороший. Какой-то первозданный, искренний, что ли. Мы постоянно ругаемся. Обзывает меня бездушной карьеристкой. Я не обижаюсь. Знаю, он прав. Васька хочет семью, детей, а мне все некогда. Работа превыше всего! Тридцать один год, а все не до детей.

Васька с раннего детства сирота. Родители погибли в автокатастрофе, когда ему было шесть лет. Воспитывала его тетка. В общем, с ним все понятно. Нужно отыграть за сиротское детство.

У мене теперь тоже никого ближе Васьки нет. Мать с отцом разбежались еще когда мне было два года. Отца я никогда не видела, от чего нисколько не страдала. Жили мы в центре Москвы в трехкомнатной квартире моего деда – профессора МГУ Славина Сергея Даниловича. У меня было счастливое детство. Под крылышком бабушки с дедушкой мы с мамой жили как две сестры. Мама с рождения страдала пороком сердца. Она была очень доброй и веселой, самой верной подругой. Я заканчивала школу, когда умер дедушка, а спустя год за ним последовала и бабушка. Маму я потеряла в двадцать три года и осталась совсем одна, без друзей, без родственников. Круглая сирота. Наверное, именно это больше всего сближало нас с Васькой.

Я настоящими друзьями так и не обзавелась. Так, приятелями. Видите ли, была слишком занята карьерой. А может, люди ни те встречались? Например, мой дед был человеком очень широкой души. Сколько себя помню, к нам домой постоянно кто-то приходил в гости. Всем от деда что-то было нужно. Протекция, рецензия, заступничество. И он всем помогал, говоря «Добро возвращается». Безусловно, он был прав, но по странной случайности, как только он умер, все друзья как-то разом рассосались. Даже на Новый Год бабушку никто не поздравил. Телефон ни разу так и не зазвонил. Но какой смысл сейчас об этом сокрушаться? Нужно что-то делать со своей жизнью. Искать другую работу? А может лучше замуж? К черту все. Решено! Выхожу за Ваську!

Свадьбу сыграли очень скромную. Никакой дурацкой фаты, подружек невесты и сотни гостей, как это принято у приличных людей. Так, несколько друзей-приятелей, столик в ресторане, медовый месяц в Таиланде и повседневная рутина изо дня в день.

Через два месяца я забеременела. Васька был на седьмом небе от счастья. Я тоже радовалась бы, если бы не токсикоз. Родился мальчик. К счастью, совершенно здоровый. Назвали Сережей, в честь дедушки. Малыша я полюбила, как только увидела. Блондин в папу. Я то шатенка. Говорят, что красивая, хотя я себя красивой не считаю. Моя внешность совершенно не соответствует стандартам моделей-анаректичек. Рост средний. Да и формы слишком пышные, хотя толстой меня никто не назовет. Разве что большие карие глаза реально красивы и пышные выющиеся темно русые волосы. Ну, ничего. С такой внешностью жить можно, а для долговязого сутуловатого Васьки это даже чересчур шикарно. Мой мальчик просто красавец. Природа подарила ему лучшее от нас обоих. У Сережи папины яркие синие глаза и льняные, но выющиеся как у меня волосы.

Материнство поглотило меня целиком. Три года пролетели как миг. На фоне бессонных ночей, очередей в поликлинику и детских капризов запомнились лишь самые светлые моменты – первый зуб, первое слово, первые шаги. Я бы счастлива. Почти счастлива. Васька все время капал на мозги – «хочу дочку». И вот оно свершилось. Я на пятом месяце. На этот раз все проходит намного легче, чем с Сережкой.

В тот апрельский день мы с Сережкой пошли в супермаркет за продуктами. После нескольких промозглых дождливых дней наконец-то выглянуло солнце. В воздухе сладковато пахло подпревшими от влаги опавшими с деревьев цветами. Сережка верещал, как неугомонный. У меня тоже было чудесное настроение. Со мной, честно говоря, такое бывает не часто. Мы переходили дорогу на углу перед супермаркетом. Движение там, в общем-то, не очень оживленное, особенно в дневное время, но по сторонам все равно смотреть нужно. Мы почти перешли на противоположную сторону. Сереженька был у меня на руках. Вокруг никого не было. Вдруг из-за угла на огромной скорости выскочил белый Мерседес. Я не успела даже рот открыть. Громкий режущий слух удар. Скрежет тормозов... Последнее, что помню, лицо Александры – дочка Петра Александровича. Она вышла из машины, обошла ее, посмотрела на нас. Сказала: «Вот блин». Села в машину и нажала на газ. Дальше только темнота. Густая беспросветная темнота. Не верьте тем, кто говорит, что видят свет в конце тоннеля. Сказки все это! Ложь!

Очнулась. Где – не поняла. Ко мне подошла какая-то незнакомая женщина в зеленой спецодежде, стала что-то радостно говорить. Смысл ее слов до меня не доходил. Пришел пожилой мужчина в униформе того же цвета. Оказалось – доктор. Стал светить мне в глаза фонариком и удовлетворенно кивать. Я поняла, что нахожусь в больнице. Как выяснилось, уже два месяца. Практически, ни единой царапины. Только сотрясение мозга и, как следствие, кома. Вдруг молнией озарила мысль:

– Сережа! Что с ним? Как он?

Тут я вспомнила все – и Александру, и белый Мерседес. Врач настораживающе вкрадчивым, приглушенным голосом рассказал мне, что случилось. Нас заметил какой-то прохожий.

Вызвал скорую. Когда скорая приехала, Сережа еще дышал, но до реанимации его не довезли. Боже! Ведь если бы скорую вызвали раньше, если бы Александра труслива не сбежала с места преступления, быть может Сереженька был бы жив. Врач с сожалением сообщил, что ребенка я тоже потеряла. На вопрос: «Будут ли у меня еще дети», врач удивленно поднял брови и сказал, что я должна радоваться, что вообще осталась жива. Радоваться? Интересно, он бы на моем месте радовался? Или его жена? Дочь? О том, что я тогда чувствовала, я писать не буду.

Домой меня выписали уже через три дня. Обследовали. Брали какие-то анализы. Приходил товарищ из органов. Вежливый такой. Спрашивал обстоятельства произошедшего. Я как на духу все рассказала, потребовала привлечь Александру к ответственности. Он клятвенно обещал сделать все, что возможно. Ведь справедливость обязательно должна восторжествовать! Сказал, что заявление мне лучше написать завтра, мол, я еще очень слаба. Ну, хорошо. Я согласилась. Пришел на следующий день. Мне сразу показался странным его взгляд. Бегающий какой, виноватый. Он начал издалека. Интересовался моим здоровьем. Сказал, что следствие требует времени. Прямых улик против дочери директора АО «Шелуха» нет. Нужны показания свидетелей происшествия. Зато имеются свидетельства пребывания гражданки Александры Жмыховой в филиале компании в городе Тверь, причем как раз во время наезда. Совершенно очевидно, что наезд совершил какой-то другой белый Мерседес, который, конечно же, будут искать. Также он предположил, что во мне может говорить обида за увольнение из компании или последствия удара головой не прошли окончательно.

Все было кончено. Надеяться на «самый справедливый суд в мире» было бессмысленно. Интересно, сколько стоила жизнь Александры? Думаю, отец не поспешил. Меня душили слезы бешенства и отчаяния. Как дальше жить? А главное – зачем?

Вернулась домой. Васька молча курил на кухне. Поднял на меня глаза, но ничего не сказал. Я надеялась на более теплый прием. Хотя бы на сочувствие. Ничего подобного. Только могильный холод. На вопрос, где похоронен Сережа, Ваську как-то всего передернуло. Лучше бы он продолжал молчать. На меня посыпались обвинения, что это я убила нашего сына, нет – детей. Во всем виновата только я одна. Я не достойна быть матерью и не достойна даже знать, где лежит Сережа. Голова кружилась ужасно. Из глаз летели икры. Выйти из дома в таком состоянии я одна не могла. Васька опять погрузился в ледяное молчание. Молчал на кухне. Молчал перед телевизором. Молчал в постели. Наконец, где-то через неделю после моего возвращения домой, он сказал, что больше так не может, собрал вещи и ушел. Больше я его никогда не видела.

Я осталась вдвоем со своим горем в звенящей от пустоты квартире. Хотелось выть, плакать, но не было ни одной слезинки. Только чувство конца моего мира и безысходности. Я как мертвая лежала на кровати. Как в анабиозе. Сколько дней не помню. Иногда вставала справить нужду или поесть. На автомате, не задумываясь, по привычке. Я много пила, но почему-то совсем не пьянела. Легче тоже не становилось. Раньше я себе позволяла не более пары бокалов вина после ужина. Всегда нужна ясная голова. Теперь это не имело значения. Ничего не имело больше значения. У деда была коллекция марочных коньяков. Коньяком у нас никто не увлекался. Васька налегал на пиво и энергетики. Я неплохо разбираюсь в винах. Дедова коллекция коньяков стояла для украшения стеклянной витрины в столовой. К счастью в доме было полно еды. В магазин пойти я была бы не в состоянии даже под страхом голодной смерти. Смерти... Как сладостно тогда звучало это слово. Выпрыгнуть бы из окна, но и здесь мне не повезло. Мы, – нет, я живу на втором этаже.

Так прошли два месяца. Еда была на исходе. Запасы спиртного и денег тоже. На полке осталась единственная бутылка «Наполеона» двадцатилетней выдержки, а в буфете последняя пачка макарон. На квартиру смотреть было страшно. Пыль. Грязь. Всюду пустые бутылки. Жуть!

Решила заняться генеральной уборкой. Можно подумать, отсутствие пыли чем-то сможет помочь мне или моему горю. Когда стирала пыль с книжных полок, на ногу мне упала какая-то книга. Оказалась «Фауст» Гете.

– Сказочник хренов, – чертыхнулась я.

Да если бы это было правдой! Если бы действительно можно было продать душу дьяволу и хоть что-то изменить в своей жизни. Если бы...

Уборку я закончила к ночи. Приняла ванну. Вымыла и красиво уложила волосы. Сильно захотелось есть. Выпила две стопки коньяка и заела их постными макаронами. Цинично в душе усмехнулась, что я, наверное, единственный в мире человек, который «Наполеон» двадцатилетней выдержки заедает макаронами без масла. Но есть-то было больше нечего. Как говорится, по бедности сойдет.

Легла спать. Мне приснился очень странный сон. Как будто какой-то высокий мужчина в красном средневековом костюме и берете с пером протягивает мне папку с документами для проставления резолюции. Я открываю папку, а там лишь один лотерейный билет. Приснится же такое... Обычно я сны свои не помнила. Но этот сон мне отчетливо запомнился. Это что, «Наполеон» так расширяет сознание? Не знала...

Утром впервые вышла из дома. Могло быть и хуже. Вначале немного покачивало, но на воздухе стало лучше. Купила продукты в супермаркете через три квартала. В тот самый у дома, в который мы шли с Сереженькой, я пойти не смогла. Расплачиваясь на кассе, увидела лотерейные билеты. Вспомнила сон. Один билет купила, хотя ни на секунду не сомневалась, что это пустышка. Я вообще никогда ничего не выигрывала. Оказалось, выиграла. Я от себя такого не ждала. Несмотря ни на что, я реально удивилась. Выиграла аж пятьсот тысяч рублей. Полляма! Подумать только! Кто бы подумал, что такое вообще возможно. Или все не просто так?

Я всегда была на сто процентов убеждена, что просто так никому ничего никогда не дается. Меня с детства так учили. Типа, «терпение и труд все перетрут». А научный руководитель в универе говорил: «От хорошей работы должно пахнуть кровью и потом». И я же, дура, этому искренне верила. После смерти близких я как проклятая пахала ради достижения успеха. Карьера!!! Вот она, мечта идиота! Аспирантура. Диссертация. Типа, защищусь – стану человеком. Интересно, а что, до защиты я была обезьяной? Так и протекала моя молодость. Бесконечное сидение в библиотеке, поездки в Питер (в долг) – тоже в библиотеки. В голове то звучит голос предков: «Всего нужно добиваться трудом, другого пути нет». Одна, всегда одна! Билась как рыба об лед, но, ничего: «я все умею, я все могу», как говорится. Защитилась! Наконец-то сбывлась еще одна мечта идиота! Двадцать пять лет, а я кандидат экономических наук. Супер!!! Все завидуют!!!

Устроилась помощником старшего менеджера по персоналу в АО «Шелуха». Вначале возникало много вопросов. В жизни, оказывается, все совсем не так, как нас учили многоуважаемые доценты и профессора. Вскоре приспособилась, так сказать. Поняла специфику развития компании. За семь лет от помощника менеджера дослужилась до начальника отдела. Сама! Только своим умом! Разве это плохо? По-моему супер! Существует пошлая шутка, что успешную карьеру можно сделать лишь двумя путями – через папу и через попу. У нас тут была одна. Вертела хвостом перед шефом. Болтали о них всякое. Не знаю, чего она добивалась, но не прошло и года, как она вылетела из компании впереди своего визга. Так что, брехня все это. Только через папу! Уж я то знаю. Работала, работала, а тут шиш с маком. Доченька вернулась из Лондона. Вот и конец карьеры. Об интимах в отношении меня речи вообще никогда не было. Чисто отеческое покровительственное отношение. Ну, до поры, до времени. И все-таки без труда не выловишь рыбку из пруда – не правда ли?

А тут вдруг ни за что, ни про что, выиграла, да еще и полмиллиона. После нудной бюрократической процедуры по оформлению выигрыша купила тур в Италию на две недели.

Мне нужно было вырваться из этой квартиры, из города, из страны. Перед отъездом съездила на кладбище. Положила большие белые ромашки. На могилке Серезеньки Беломраморный памятник уже стоял. Васька обо всем позаботился. Убила бы его! Ведь он мне место захоронения Серезеньки так и не сказал. Часов пять блуждали по кладбищу со зрителем, пока не обнаружили нужную могилку. Даже ромашки привяли. Хотя разве это важно? Мой сыночек! Серезенька! Никогда тебя не забуду! Никогда не прощу! Никого! А та малышка, которую я никогда не увижу? Неужели в мире совсем нет справедливости? Может человек и есть орудие Бога в его возмездии? Да и есть ли он – Бог? Я ненавижу двуличных людей, любые свои проступки и грехи оправдывающих принципом: «не согрешишь, не раскаешься». Фридрих Ницше где-то писал, точно не помню, но что-то вроде: «человек ошибка бога или бог ошибка человека?». А ведь, правда, это мы создаем себе богов по своему убогому подобию или боги нас сотворили себе под стать? Меня, кажется, куда-то понесло в философию. Итак, чемоданы собраны. Привет, Италия!

Италия удивительна. Раньше я никогда там не была, да и вообще мало где была. В детстве с дедом ездили в Чехословакию, Болгарию, Польшу. Студенткой поехала с мамой в Турцию. Советский Союз мы изъездили почти весь. Были и в Прибалтике, и в Киеве и в Минске. Ездили на оз. Байкал. Там, реально, здорово! О Западной Европе даже на закате совдеповской эпохи речи быть не могло, тем более для советского ученого. Когда можно было спокойно поехать во Францию или, к примеру, в Германию, финансовые ресурсы нашей семьи стремительно истощились.

Итак, я в Италии. Море завораживает. Часами смотрю на волны, сидя в прибрежном кафе Сан-Марино. «Что такой красивый девушка грустит одна?» – слышу за спиной. Ко мне подошел невысокого роста смуглый мужчина. Он смотрел на меня фантастически яркими, как будто прожигающими насквозь, серыми глазами и широко улыбался. Я рада была хоть с кем-то поговорить. Мы быстро подружились. Завали его Луиджи. Жил он в Палермо. В Сан-Марино он под видом командировки сбежал от жены и шестерых детей. Луиджи оказался очень нежным и страстным любовником, как глоток свежего морского бриза в жаркий летний день. Оказалось, он дважды бывал в России по делам. Неудивительно, что он сносно говорил по-русски. Не могу объяснить, почему, но Луиджи внушал доверие. Я рассказала ему свою историю. Услышав о трагической гибели Серезеньки и безнаказанности виновной в этом Александры, он разразился громкой тирадой эмоциональных выражений на неизвестном мне языке. Немного успокоившись, уже на русском, он сказал: «Это так оставлять нельзя! Нужно мстить!». Но как я могла их наказать, не имея ни денег, ни связей. Даже на киллера у меня не хватило бы денег. Луиджи сказал, что мне нужно выйти замуж за богатого человека. С деньгами можно все устроить. Да... Похоже, в Сицилии думают точно так же, как и в России.

Возвращаясь домой, в самолете я познакомилась с Борюсиком. Какой-то наглый тип с параллельного ряда бесцеремонно уставился на меня. Я подошла к нему и напрямую спросила, почему он на меня так смотрит? Мы вроде как не знакомы и это оскорбительно. Он сказал, что никогда не видел женщины с такими горящими и, одновременно, грустными глазами. Да он романтик! Познакомились. Он представился как «деловой человек Борис Андреевич Долгоносиков». Впоследствии я узнала, что «деловой человек» оказался мафиозой, известным в широких кругах как Боров. Главным источником его доходов были подпольные казино и проституция. Мне на это было наплевать. Что-то одновременно отталкивающее и притягательное было в этом человеке. В нем было что-то первозданное, животное. Своим внешним видом он напоминал мне павиана. За его широкую спину действительно можно было спрятаться от всех проблем и невзгод. Например, с Васькой мы были, скорее, приятелями-любовниками, чем мужем и женой. Я всегда смотрела на него свысока и это его бесило. Здесь все было иначе. После недели пылких ухаживаний Борюсик убедил меня переехать к нему на Рублевку.

Огромный дом, фонтан во дворе, роскошный парк, гараж, полный дорогущих иномарок. О чем еще может мечтать любая женщина? Обстановка в доме была под стать хозяину. Когда я впервые переступила порог его дома, меня ослепил тошнотворный блеск позолоты. Позолота на всем – перила лестницы, рамки зеркал, картин, статуи, ножки мебели и не помню еще чего. «Как в борделе», – подумала я. Я стала полноправной хозяйкой этих хором. В моем распоряжении был штат прислуги из двенадцати человек. Любое мое желание исполнялось незамедлительно. Проблема была лишь в том, что я ничего не хотела. Просто жила, если это, конечно, можно назвать жизнью. Борюсик искренне верил, что любая женская болезнь лечится с помощью новой шубки и бирюлек. Не скрою, это приятно! Самым лучшим в этой новой жизни была возможность ездить на отдых в любую точку мира, при условии, что это крутой курорт. Сейшелы, Канары, Мальдивы, Куршавель, Доминикана, Карибы – мы побывали везде. Так прошло четыре года. За все эти годы мы с Борюсиком ни разу даже не поссорились. Он ни разу на меня не повысил голос. Я, конечно же знала о его шлюхах и «деловых поездках», но мне это было безразлично. Он мне всегда говорил, что только рядом со мной чувствует себя человеком.

Этим летом мы поехали в Ниццу. Там у Борюсика были какие-то дела. Мы решили совместить работу и отдых. Пока Борюсик был занят переговорами, я даже успела пробежаться по музеям. В Ницце есть на что посмотреть. Музей изящных искусств, Музей Массена, Музей Матисса. Сам город очень красивый. Я не любительница пляжей и солнца, но Лазурный берег никого не может оставить равнодушным.

Я нежилась в шезлонге, наслаждаясь утренним солнцем. Мое внимание привлекла шумно резвившаяся в море девочка лет тринадцати. «Белокурая, как мой Сереженька», – подумала я. На берегу, спиной ко мне, сидели мужчина и женщина. Женщина кричала девочке, по-видимому, своей дочери, чтобы та не заплывала далеко в море. Девочка вынырнула из воды и подошла к маме. Мужчина с женщиной встали и вместе с девочкой пошли в сторону отеля. Когда они повернулись ко мне лицом, я даже вскрикнула от неожиданности. Это были Они. Жмыховы – отец и дочь с ребенком. Они сломали мою жизнь и при этом смели быть здоровыми, счастливыми, как будто ничего не произошло. Как такое возможно? Кровь ударила мне в голову. Мне вспомнились слова Луиджи: «Этого нельзя так оставлять! Нужно мстить!». Мне дико захотелось их раздавить, порвать в клочья, чтобы они захлебнулись собственной кровью. Как в плохих американских фильмах, взять в руки бензопилу и разрезать их на маленькие кусочки. Всех! Я думала, со мной случится удар. Не помню, как я вернулась в свой номер отеля, упала на кровать и навзрыд заплакала.

Борюсик вчера перебрал в баре и утром крепко спал. Я его разбудила своими воплями. Я ему рассказала все. Он никогда не расспрашивал меня о прежней жизни. Знал, что я была когда-то замужем, но это его не волновало. Его реакция была примерно такой же, как у Луиджи. Он крепко выругался матом, кричал на меня за то, что я столько времени молчала. Обещал отрезать яйца старику и свернуть шею его дочке, клялся вырезать всю семью. Наконец, успокоившись, он сказал, что лично ими займется. Я тоже немного остыла. Да! Они оба правы, и Луиджи и Борюсик. Нужно мстить. «Мечь – это блюдо, которое подают холодным», – так ведь говорят? Нужно придумать план. Жмыховы не останутся безнаказанными.

Я не спала всю ночь. Думала. Кое-какая идея у меня появилась. Нужно посоветоваться с Борюсиком. Когда я ему рассказала, он пришел в восторг. Весь день ходил под впечатлением, бубня под нос: «Ну, баба! Ну, голова!». А потом говорит: «Ты прямо леди Монте-Кристо». Смешно, ей богу.

План состоял в следующем. Необходимо было похитить девчонку, отвести ее в укромное место и немного поработать над ее воспитанием. Бирюсик легко все организовал. В тверской глуши купили большой участок земли, обнесли по периметру высоким забором, построили уютный двухэтажный коттедж. Территорию вокруг дома, насколько возможно, благоустроили. Чудный парк с цветником, качели, бассейн. Не было только интернета, телевидения и теле-

фона. Вообще, никакой техники. Первозданный рай, да и только. Туда и было решено поместить девчонку. Для ее воспитания нашли очень глубоко верующую старуху. Просковья Афанасьевна славилась своей религиозностью и благочестием на всю Тверскую область. С ней довольно легко удалось договориться. К сожалению, благочестивые поступки и любовь к ближним не давали никаких дивидендов в земной жизни. У Просковьи Афанасьевны было два сына, которых она мечтала выучить в столице, чтобы они не спились и не сгинули в глуши, как их отец. Борюсик оплатил их учебу в престижном столичном вузе. От Просковьи Афанасьевны требовалось только заняться религиозным образованием девчонки, сделать из нее рьяную богомолку-фанатичку. Ей нужно было как-то объяснить, что бог всегда требует жертвы и есть лишь одна форма прославления Господа – секс. Секс с разными мужчинами. Чем больше она будет стараться, тем ближе станет в Всевышнему. Богомолка вначале оцепенела от такой ереси и наотрез отказалась выполнять столь странное задание, но, поразмыслив о благополучии своих сыновей, все-таки согласилась, сказав лишь мне:

– Бог тебя накажет!

– Спасибо, уже наказал, авансом!

Девочку привезли в коттедж за стеной – так я его называла. Знакомый доктор над ней хорошо поработал – дал ей какие-то препараты, вызвавшие эффект химической лоботомии. В результате девчонка не помнила, ни кто она, ни как ее зовут. Мы назвали ее Верой. На ее руке появился след от маленького надреза. Ей сказали, что она упала с лестницы и ударилась головой, поэтому ничего и не помнит. Со своим заданием богомолка справилась отлично. Целый год она натаскивала Веру на религиозные темы. Бедная девочка даже в туалет ходила с библией в руках. Мы были в курсе всего происходящего, потому что весь периметр и здание внутри обвешали скрытыми камерами. Такое было реалити-шоу.

В течение этого года многоуважаемому Петру Александровичу регулярно приходили посылки с различными вещичками. То розовая шапочка с большим бубоном, на которой рисовались какие-то странные бурые пятна, то курточка, то один ботиночек с ножки его ненаглядной внученьки, то другой. Город стоял на ушах. Пресса терялась в догадках. Полиция рыла носом, но безрезультатно. Никаких ниточек. Никаких зацепок. Петру Александрович даже обещал многомиллионное вознаграждение тому, кто хоть что-то знает о его внучке. Все впустую.

Пришло время финала. Наш мир полон моральных уродов и извращенцев. Худшими из них являются педофилы. Одному из таких и продали Веру. Она совсем не сопротивлялась, только молилась и повторяла что-то вроде «Михаил» или «Гавриил». Мне показалось, ей даже понравилось... Похоже, девчонка вообразила, что ее посетил святой Михаил или Гавриил, а может оба сразу. Крупный план особенно впечатляет. Кино вышло такое, что кровь в жилах стынет.

С педофилом потом разобрались «бойцы» Борюсика. Именно с его телефона залили видео на Ютьюб. Для страховки прислали флэшку с подарком и Петру Александровичу. Девчонку Бирюсик пристроил в уютный бордельчик на окраине Москвы. Надеюсь, она будет счастлива.

Как я потом узнала, Петр Александрович весь год был сам не свой. Вначале бесился из-за каждого пустяка. Потом пошел к психиатру. Видимо, ему дали волшебные пилюльки для хорошего настроения. Говорили, что он ходит и смеется, как дурачок. Александра бросила работу. Сидит дома и пьет антидепрессанты.

Получив флэшку с видео, Петр Александрович слегка обезумел. Вначале он разнес весь кабинет – расколотил мебель, цветы, разбросал бумаги. Потом Исчез на неделю. Потом вернулся. Собрал всех – весь административный персонал компании и пригласил на фуршет. Сказал, что у него судьбоносное событие. Угощал всех бутербродами и тортом. Много смеялся. Дело в том, что Петр Александрович сильно разочаровался в своей жизни и решил уйти, но не один, а с компанией. Более леденящего кровь преступления столица не видела. Шутка ли –

руководитель крупной корпорации отравил двадцать два человека (включая себя). Александра уехала из Москвы. Поехала восстанавливать нервную систему в психиатрическую клинику то ли в Германию, то ли в Швейцарию.

Месть удалась! Враги повержены! Бирюсик торжествовал, а мне было по-прежнему грустно и очень одиноко. Мы с Бирюсиком купили круиз по Средиземному морю. Отплыть должны были через три недели. Не судьба. Бирюсика застрелили в собственной машине. Как выяснилось, он задолжал своим деловым партнерам крупную сумму. Позолоченный дворец пришлось продать. Откровенно говоря, я была только рада избавиться от этого нелепого дома. Все равно это позолоченная клетка. Бирюсик еще два года назад на мой счет перевел очень внушительную сумму с семью нолями. Нищета мне точно не грозила.

Было лишь одно желание – бежать. Бежать куда угодно. Для начала, в Рим. Я так и не смогла убедить Бирюсика в том, что Рим интереснее Сейшел. В круиз мне тоже придется отправиться в одиночестве. Я два года путешествовала. Где только я не была. Европу изъездила вдоль и поперек, была в Штатах, Мексике, Бразилии, Аргентине, заехала даже в гости к масаям в Африку.

Много путешествуя, я научилась видеть красоту и богатство окружающего мира. Но я не National Geographic, чтобы описывать красоты и достопримечательности. Я видела много очень разных, совершенно не похожих друг на друга людей. Эмпатией я никогда не отличалась, но, общаясь с людьми, я стала лучше понимать их чувства, радости и горести. Меня всегда считали эгоцентричной перфекционисткой, и были правы. На работе за глаза меня называли «волчица». А ведь я не всегда была такой. В студенческие годы я была веселой, жизнерадостной девчонкой, которая писала стихи и сентиментальные рассказы, верила в любовь. Где та сумасбродная Аня, которая была готова бросить все и уехать с любимым на край света?

Жизнь меняет людей, и, к сожалению, не в лучшую сторону. Порой я чувствую себя муравьем, который несет груз, тяжелее собственного веса. Больше всего хочется сбросить этот груз, но ничего не получается, как будто он намертво приклеен ко мне. Я постоянно повторяю себе как мантру: «Я сильная, я все умею, я все могу». Это я тоже смогу. Прежде всего, нужно забыть прошлое. Начну жить своей жизнью. Навсегда откажусь от навязанных обществом приоритетов – карьера, успех, деньги, дорогие автомобили, шмотки и т. п. Работать буду только на себя, а не на «работодателей» вроде Жмыхова. Буду заниматься любимым делом – учить иностранные языки. Может быть, влюблюсь...

Сейчас я плыву на атомном ледоколе к северному полюсу. Всегда мечтала выпить шампанское на плавучей точке северного полюса. Завтра мы будем на месте. Этот дневник я пишу на протяжении всего плавания. Пора перестать ныть и начать действовать. Я очень надеюсь, что холод Арктики заморозит боль в моей душе и навсегда потушит огонь ярости в моем сердце».

Анна закрыла серую записную книжку. За спиной послышался голос старшего помощника капитана Николая Ивановича Некрасова.

– Анна Викторовна, в такую погоду вам лучше пройти в свою каюту. Надвигается шторм, – почти прокричал он, чтобы быть услышанным на фоне рокота волн и свиста ветра.

Анна спустилась в каюту. Спартанская обстановка четырехместной каюты ее не смущала. Соседками Анны были две раздражающе жизнерадостные, вечно жаждущие приключений, пожилые британки и молодая австралийская писательница, которой путешествие к северному полюсу должно было дать живописный материал для очередного бестселлера. Анна многое переоценила в своей жизни за время длительного плавания на атомном ледоколе. Она, как будто заново прожила свою жизнь и теперь ей хотелось все изменить, начать с новой главы, в которой не будет места прежним грызущим душу переживаниям. Нельзя оглядываться, нужно смотреть только вперед! Жизнь продолжается!

Глава вторая. Ванька

Ванька никак не мог уgomониться и заснуть, хотя на часах было уже одиннадцать ночи.

– Спи, давай! – сказала Анна, ласково погладив его по макушке. – Завтра рано вставать.

Ты помнишь, что мы завтра едем в Ростов к твоей бабушке?

– Тетя Аня, а к бабушке мы тоже полетим самолетом? – спросил Ваня.

– Нет, Ванюша. Мы поедем поездом, – ответила Анна.

Ванька вдруг как-то грустно вздохнул, помолчал немного и спросил:

– Тетя Аня, а мама с папой скучают по мне? Я по ним очень скучаю. Когда они меня заберут?

Анна нахмурилась. Как шестилетнему ребенку объяснить, что его мамы и папы больше нет, что они никогда не вернуться. Месяц назад Анна отдыхала в Испании. Воспользовавшись случаем, она решила заехать и в Марокко. Она давно хотела посмотреть на Древнюю Медину – историческую часть Марракеша. До Марракеша она так и не дошла. Из-за ошибки капитана, паром, на котором она переправлялась в Марокко, стал тонуть в пяти километрах от порта Рабат. Анну аж передернуло от ужасных воспоминаний, которые она тогда пережила. Все произошло очень быстро. Столкновение парома с патрульным катером, пробоина в корпусе судна и стремительное погружение под воду. Страшнее всего было вспоминать реакцию людей во время катастрофы. Персонал парома и матросы-филиппинцы вместо того, чтобы помочь пассажирам сесть в шлюпки, ринулись туда сами. Уже сидевших в шлюпках людей бесцеремонно выталкивали за борт. Шлюпок, как водится, на всех не хватило, как и спасательных жилетов.

Всего в нескольких километрах от земли произошла такая трагедия, а помощи людям пришлось ждать около часа. Все, кому не посчастливилось отвоевать себе место в шлюпках, барахтались в воде, пытаясь хоть за что-то ухватиться. В воде шла нешуточная борьба за спасательные жилеты. Над водой разносились крики, стоны, вопли. В лодку Анна не попала, но сумела ухватить жилет. Желающих его отобрать хватало. Анне пришлось раза два отбиваться. Вообще она хорошо плавала, но без спасательного круга или жилета не спасся бы даже олимпийский чемпион по плаванию. Анна оттолкнула женщину, покушавшуюся на ее жилет. Та, не долго думая, поплыла к маленькому мальчику, содрала с него жилет и натянула на себя. Малыш стал захлебываться и, гарантированно, утонул бы, если бы не подросла Анна. Она надела на мальчика свой жилет и неизвестно, что было бы с ней самой, но тут подросла помощь.

Прогулочный теплоход взял на борт всех уцелевших. Из 212 человек, находившихся на борту парома, спаслось только 142. Родителей мальчика среди выживших не оказалось. Малыш – его звали Ваня, остался на попечении Анны. Он простудился и сильно испугался. Все время звал маму и папу. Анна не отходила от него ни на шаг. Две недели они провели в больнице Рабата. Анна решила разузнать все о родственниках ребенка. Оказалось, что Ване шесть лет. Он путешествовал только с родителями, которые, по всей видимости, погибли. Семья Соболевых была из Ростова-на-Дону. Из всей родни у Вани осталась только бабушка в Ростове. Сейчас он был слишком слаб для такой дальней поездки. Анна решила вначале привести Ваню в свою московскую квартиру, поставить на ноги, а уж затем везти к бабушке.

За две недели, проведенные в Москве, Ваня стал доверять тете Ане. Они вместе гуляли, смотрели мультики, ходили в детское кафе. Ванька оказался маленьким чертенком, вечно во что-нибудь встречающим. То вещь какую-нибудь, шутки ради, спрячет. Ищи, тетя Аня! То в сахарницу соль насыплет и потом заливается звонким смехом, или из водяного пистолета обрызгает с ног до головы. И вот сейчас он смотрит ей в глаза, словно в душу заглядывает, и ждет ответа на вопрос: «Когда его заберут папа с мамой»?

– Вань, твои папа с мамой сейчас у Морского Царя. Этот злой Морской Царь потопил наш корабль. Он захватил и утащил в свое подводное царство много людей. Твои папа с мамой тоже у него, – ответила Анна, отважившись на такую ложь во спасение.

– А почему Морской Царь меня не забрал? – не унимался мальш.

– Потому, что я ему тебя не отдала. Я тебя выловила из моря, как рыбку. Теперь ты моя маленькая Золотая рыбка, – улыбаясь, ответила Анна.

Ванька, хитро прищурился, как угольки, глазки, звонко рассмеялся.

Неугомонному Ваньке было очень трудно усидеть на месте в купе поезда.

– Тетя Аня, расскажи мне сказку, – попросил Ванька.

– Сказку? Можно и сказку, – усмехнулась Анна. Нужно было хоть как-то скоротать время в пути.

Анна вспомнила придуманную ею еще в студенческие годы историю про собачку Аву-Тяву. Она ее никому не рассказывала, так что Ванька был первым слушателем. С ними в купе еще ехала влюбленная пара, но они, поглощенные друг другом, никого вокруг не замечали.

– Тогда слушай. Жила на свете маленькая собачка по имени Ава-Тява. У нее были острые черные ушки, смешной виляющий хвостик и большие грустные глаза.

– Тетя Аня, а почему у Авы-Тявы были грустные глаза? – спросил Ваня.

– А грустными глаза у Авы-Тявы были потому, что она жила в стране Кошек, – ответила Анна.

– А я люблю кошек. Ты подаришь мне котенка? – спросил Ваня.

– Может быть, – ответила Анна. – Ты просил рассказать сказку, так слушай и не отвлекайся. Ава-Тяве было грустно, потому что она была единственной собакой в стране Кошек. Ей не с кем было играть и она была очень одинока. Кошки постоянно обижали Аву-Тяву, смеялись над ней, дразнили ее. Ава-Тява очень хотела быть похожей на других кошек, мяукать и иметь длинный пушистый хвост. Вот и сегодня злой котенок по имени Адольф позвал Аву-Тяву играть в Кити-парк. Этот парк был любимым местом отдыха всех котят округи. Там круглый год бил фонтан с молоком и был чудесный пруд с золотыми рыбками. Но главной достопримечательностью Кити-парка был Мяуленд. В нем всем было очень весело. В Мяуленде был Волшебный холм с лабиринтом для игры в прятки...

– Тетя Аня, а что такое лабиринт? – поинтересовался любознательный Ванька.

– Лабиринт – это такие запутанные дорожки, на которых можно заблудиться, – ответила Анна. – Ну, слушай дальше. Именно туда позвал Адольф Аву-Тяву. Ава-Тява была очень доверчивой. Она побежала к холму, виляя хвостиком от счастья. Она думала, что ее зовут играть. На холме ее ждал Адольф. Он с приятелями придумал сыграть с Авой-Тявой злую шутку. Его приятели – Рыжий Шон, Лысый Сфинкс, Короткохвостый Боб и главарь банды – большой полосатый мейнкун Дональд, были грозой всей округи. Этой веселой компании боялись не только котята, но и взрослые кошки. И вот они решили, как следует напугать Аву-Тяву. В центре лабиринта был волшебный Колодец Страхов, который все старались обходить стороной. Считалось, что если заглянуть в колодец и честно-причестно при всех присутствующих сказать, чего ты боишься, случится чудо. Но какое чудо, никто не знал, потому что никто не осмелился открыто признаться в своих страхах.

Ванька слушал, открыв рот. Даже влюбленная парочка стала с интересом прислушиваться. Анна перевела дух, чтобы продолжить.

– Что было дальше? Тетя Аня, продолжай, – изнывал от нетерпения Ванька.

– А дальше злая кошачья компания заманила Аву-Тяву к Колодцу Страхов. Ава-Тява тоже очень боялась этого места и еще не разу не подходила так близко к чудо-колодцу. Из страшного колодца исходил странный синеватый свет, в котором вспыхивали красные и желтые искры. Ава-Тява очень испугалась. Дональд ей сказал, что если она хочет превратиться в настоящую кошку, нужно встать на задние лапы на край колодца и трижды произнести: «Усы, лапы,

хвост», а если она этого не сделает, то они ее саму сбросят в колодец. Ава-Тява, хотя и очень боялась, все же неуверенно взобралась на каменный край колодца. Камни были очень скользкими. Удержаться на них было очень трудно и единственное, что сказала Ава-Тява, было: «Мне страшно! Мне очень страшно!». Тут вдруг колодец заиграл всеми цветами радуги. Испуганная кошачья банда разбежалась в разные стороны. От неожиданности Ава-Тява упала в колодец. Что было дальше, она не помнила. Очнулась Ава-Тява на зеленой лужайке. Вокруг бегали другие собачки. Они окружили ее, спрашивали, откуда она. Ава-Тява, наконец-то было дома, в родной стране Собак, а сказочный колодец, оказывается, исполнял самое сокровенное желание того, кто осмелится сказать правду.

Анна закончила свой рассказ в звенящей тишине, которую нарушал только ритмичный стук колес. Ванька странно притих.

– Наверное, задумался, – подумала Анна.

Влюбленная парочка застыла с умиленным выражением на лицах.

Поездка в Ростов подходила к концу. Ваньке не терпелось поскорее оказаться дома. Анна с ребенком на руках вышла из вагона, направилась к стоянке такси и поехала по адресу Ваниной бабушки. Квартира, в которой жил Ваня, оказалась в центре города, на улице Соколова. От железнодорожного вокзала ехали по главной улице города – Большой Садовой. Анну странно удивил Ростов-на-Дону. Город поразил как кричащим многоцветием домов и тротуаров, так и практически полным отсутствием людей и магазинов на главной улице города.

– Наверное, к чемпионату мира по футболу так разукрасили город, – подумала Анна. – Даже в первой половине буднего летнего дня на улицах миллионника должно было быть оживленнее.

В глаза бросались часто повторяющиеся вывески «Ломбард», «Быстоденьги», «Золотой», встретила также крупная аптека. Похоже, у немногочисленных прохожих был выбор – зайти в кредитную организацию за деньгами, затем пойти в ювелирный, затем сдать золото в ломбард и, чтобы не сойти с ума, зайти в аптеку за успокоительным.

Ванина бабушка ждала дорогих гостей в проеме открытой двери квартиры. Анна изумленно ее разглядывала, думая:

– Да ей все восемьдесят, не меньше. Она, наверное, и о себе толком позаботиться не может. Как же она будет управляться с бесенком Ванькой?

Старушка выглядела очень заплаканной. Крошечного роста, очень худенькая, с трудом передвигает ноги. О трагической гибели сына с невесткой ей сообщили только неделю назад. Она дни и ночи молилась Святой Матроне, благодаря за спасение единственного внука. В Ваньке эта одинокая пожилая женщина души не чаяла. И вот он перед ней. Живой и здоровый, жизнерадостно улыбается. А рядом с ним его спасительница – женщина, которая была готова умереть ради спасения незнакомого ребенка. Марья Дмитриевна горячо расцеловала внука и даже хотела поцеловать руки Анне, чем ее сильно смутила. Марья Дмитриевна сказала, что Анна – ангел, сошедший с небес ради спасения Ванечки.

– Конечно, ангел, только черный, – мысленно усмехнулась Анна.

Зашли в квартиру. Хорошо, со вкусом обставленная, но совершенно запущенная гостиная и три спальни. Было видно, что семья не нуждалась. Ванька побежал в свою комнату к любимым игрушкам. Анна осталась у накрытого стола с Марьей Дмитриевной. Старушка показывала ей семейные альбомы с фотографиями, рассказывала разные семейные байки. Много говорила о своем сыне Мишеньке – враче кардиологе и невестке Юленьке, которая была медсестрой в той же клинике, где работал Ванин папа. Попивая чай, Анна слушала ее и думала:

– Ваньку здесь оставлять нельзя. Нужно его вместе с бабушкой перевезти в Москву.

Анна не без труда уговорила Марью Дмитриевну с внуком переехать к себе в Москву. Понятное дело, в таком возрасте оставлять свой дом, где каждая вещь связана с уймой воспоминаний, очень сложно. Несмотря на возраст и физическую немощь, голова у Марьи Дмитри-

евны была в полном порядке. Она понимала, что не сможет обеспечить своего Ванечку всем необходимым и не проживет столько, чтобы поставить его на ноги. Ростовскую квартиру было решено сдавать в аренду, а деньги перечислять на депозит на имя Вани. К совершеннолетию у него на счете должна была накопиться приличная сумма.

Анна пробыла в Ростове десять дней. Пребывание в этом немного странном южном городе омрачило одно происшествие. Измученные летним зноем и духотой в квартире Анна с Ванькой собрались вечером прогуляться по городу. Марья Дмитриевна с тревогой восприняла эту идею.

– Уже темнеет. Народ всякий ходит по улицам. Жулья разного много, будьте очень осторожны. Допоздна не задерживайтесь, – напутствовала Марья Дмитриевна.

– Да что с нами может случиться в центре города? Такой чудесный вечер. По-моему весь город вышел на улицы подышать воздухом, – рассмеялась в ответ Анна.

Кажется, Марья Дмитриевна осталась при своем мнении. Анна не видела, как Ванина бабушка перекрестила ее и внука в спину, прошептав молитву.

– На обычную прогулку, как на войну провожает, – подумала Анна.

Опасения Марьи Дмитриевны оказались не напрасны. Анна с Ванькой гуляли по красивому бульвару – Пушкинской улице, к счастью не испорченной горе-архитекторами. Они прошли далеко вперед, в сторону Театральной площади. По пешеходной части шныряли велосипедисты, как будто, так и нужно. Пешеходам оставалось только уворачиваться от столкновения. Неожиданный удар в плечо сбил Анну с ног. Ванька успел отскочить в сторону. Резкий рывок – и сумочка с плеча Анны умчалась прочь вместе с велосипедистом.

Вот это да! Разбой в центре города! Ведь еще нет и десяти вечера! Ростов-папа – одним словом! Раньше у Анны никогда не крали вещи в России. За границей было дело пару раз. Так в Бразилии у нее стянули с шеи видеокамеру, а в Братиславе украли дорожную сумку на остановке у автовокзала.

– Вань, ты как? – спросила Анна.

– Нормально, тетя Аня. Ты как, не ушиблась? – спросил притихший Ванька.

– Все хорошо, – сказала Анна, потирая ушибленное плечо. – Только сумку гад украл. Вань, а твой телефон с тобой?

– Да, кажется, – рассеянно ответил Ванька, шаря по карманам. – Ага, нашел.

– Дай, пожалуйста, на минутку. Мне нужно кое-куда позвонить, – сказала Анна, садясь на освещенную круглым белым фонарем скамейку.

Потери составили: марокканскую кожаную сумочку ручной работы, выдавший виды iPhone, кредитные карты, кое-какую косметику и пару тысяч рублей. К счастью, паспорт Анна положила с задний карман джинсов. Она, прежде всего, позвонила мобильному оператору и заблокировала симку. Никаких личных данных в смартфоне особо не было, так, несколько фотографий, и только. Он ей уже порядком надоел.

– Нужно будет купить новый, – подумала она.

Причины беспокоить полицию Анна не увидела. Наверное, уличный разбой в этом городе – привычное дело. В Москве такого тоже хватает. У полиции есть дела и поважнее.

Домой шли молча. Анна потирала ноющее от боли плечо. Марья Дмитриевна по их с Ванькой обиженным физиономиям поняла все с порога, но ничего говорить не стала.

– Слава Богу, она не сказала: «Я же говорила, предупреждала, чтобы не ходили», – подумала Анна. – Очень воспитанная и культурная бабулька.

Анна помогала Марье Дмитриевне собирать вещи для переезда. «Все самое ценное» из дома Марьи Дмитриевны поместилось в небольшой грузовичок, который направился в Москву. Мебель, люстры, ковры и прочее оставили квартирантам. Квартиру сдали на год. Анна, Марья Дмитриевна и Ванечка поехали поездом. Всю дорогу Марья Дмитриевна не выпускала из рук

икону Святой Матроны – Матроны Московской, как ее еще называли. О жизни и благих делах этой святой далекую от религии Анну просветила Марья Дмитриевна.

В Москву добрались спокойно, без приключений. В старой профессорской квартире пришлось сделать некоторые перестановки. За все время со смерти родных, Анна ни разу ничего не меняла. Большую спальню она отдала Ване с бабушкой. Стоявшие рядом кровати расставили вдоль противоположных стен, а у окна поставили письменный столик для Вани. Ведь в следующем году ему идти в школу. Сама Анна уютно устроилась на старом кожаном диване в дедовом кабинете. Гостиная-столовая с большой плазмой на стене находилась в общем распоряжении.

Анна много часов провела в разговорах с Марьей Дмитриевной. Оказывается, она всю жизнь проработала учительницей русского языка и литературы в ростовской школе. Сейчас ей было восемьдесят четыре года. Они подружились, что называется, сроднились. Больше всего их объединяла любовь к Ваньке, забота о его благополучии.

Почти сразу после переезда внимание Марьи Дмитриевны привлекла фотография белокурого мальчика, висевшая на стене в гостиной.

– Это ваш сын, Аннушка? – осторожно спросила она.

– Да, это мой Сереженька, – вздохнув, ответила Анна.

– Что с ним случилось, дорогая, расскажите, пожалуйста, – попросила старушка.

– Я не уберегла его. Несчастный случай, – сухо ответила Анна.

– Аннушка, а с моей стороны будет большой наглостью, если я попрошу вас разрешить мне повесить рядом с Сереженькиной фотографией фотографии Ваниных папы и мамы, – с надеждой в голосе спросила Марья Дмитриевна.

– О чем речь, конечно же. Будет настоящий алтарь скорби. Как я сама не догадалась предложить вам это. Извините мою невнимательность к людям. Я порой бываю очень черствой. Так, во всяком случае, многие считают, – грустно вздохнув, ответила Анна.

– Вы черствая? – изумилась Марья Дмитриевна. – Вы святая, Аннушка! У вас раненное сердце и очень светлая душа. Поверьте наблюдению старой женщины. Я много разных людей видела в своей жизни. Вы особенная, порой на язык острая, но, поверьте мне, вы очень светлый человек.

– Спасибо на добром слове, Марья Дмитриевна, – с грустной улыбкой произнесла Анна. Фотографию белокурого мальчика заметил и Ваня. Он долго смотрел на нее, затем спросил:

– Тетя Аня, этот мальчик до меня жил здесь?

– Да, малыш, – ответила Анна.

– А где он сейчас? – спросил Ваня.

– Его с нами нет. Я не сберегла его, – еле сдерживая слезы, сказала Анна.

– Его забрал Морской Царь, как моих маму и папу? – продолжал расспрашивать Ваня.

– Нет, его забрали к себе ангелы, – ответила Анна.

– А меня или тебя ангелы тоже могут забрать? – спросил приглушенным от страха голосом Ваня.

– Нет, мой дорогой. Я тебя Морскому Царю не отдала, ангелам тоже не отдам. Я тебя никому не отдам, – сказала Анна, подхватила Ваньку на руки и крепко прижала к себе. – Я всегда буду с тобой, потому что я бессмертная.

Всей семьей смотрели мультик Садко. Ваньке очень понравился. Он стал канючить:

– Хочу кошку, как у Садко. Хочу Машку.

– А давай! Заведем свою Машку, – сдалась Анна.

Анна к кошкам была довольно равнодушна, но чего не сделаешь ради любимого ребенка. Она купила маленького серого котенка сибирской породы с мохнатыми кисточками в

ушах, огромными янтарными глазами и непропорционально длинным пушистым хвостиком. Назвали Машкой. Анна шутила:

– Смотрите! Бежит хвост, а впереди Машка.

Машка с Ванькой как черти мотались по квартире. Ванька пытался ее дрессировать, научил прыгать через обруч. У Машки с каждым членом семьи сложились свои отношения. С Ванькой они как два шкодных котенка резвились целыми днями. Ванька не давал ей покоя ни на минуту. Бабушка была оплотом спокойствия для Машки. Спала она только в бабушкиной постели, крепко прижавшись к ее ногам. С Анной был заключен вечный мир, при условии, что Машка не будет обдирать когтями обивку дивана в гостиной. С Анной нельзя было портить отношения, Машка это понимала. Ведь именно она кормила Машку. Со временем Машка из смешного котенка превратилась в грациозную красавицу с переливающейся на солнце блестящей шерсткой.

Однажды Анна поднималась по лестнице к себе в квартиру. Ее окликнула соседка, живущая в квартире напротив генеральша Елена Семеновна – вдова генерала Серебрянникова. Очень хорошая женщина с крошечным недостатком, – уж очень Елена Семеновна любила поболтать и посплетничать. Она знала Анну с детства, поэтому могла себе позволить называть ее фамильярно на «ты».

– Аннечка, я хочу тебя предупредить. Не выпускай Машку гулять в подъезд. Я сегодня такое видела! Такое! Эта старая ведьма Сенцова из седьмой квартиры хотела задушить Машку. Схватила ее за горло и душит. Я ей говорю: «Ты что с ума сошла, старая? Что тебе это несчастное животное сделало?». А та только молча хлопнула дверью и зашла к себе. Не выпускайте Машку, заклинаю вас. Такая хорошая кошечка, просто прелесть. Берегите ее. А эту Сенцову я бы собственными руками придушила, – тараторила Елена Семеновна.

– Зачем руки об нее пачкать, Елена Семеновна. Сама сдохнет, – в своей жестковатой манере сказала Анна.

– Вот именно. Ведь умрет старая злыдня, никто и не узнает, – поддержала Анин тон Елена Семеновна. – Сын ведь с ней уже лет десять, как не общается.

– Не переживайте! Соседи по запаху догадаются, – цинично пошутила Анна.

– Ну и язычок! Как обоюдоострый кинжал! – рассмеялась Елена Семеновна.

– Чем богаты, – рассмеялась в ответ Анна. – Спасибо, что предупредили, Елена Семеновна.

Марья Дмитриевна с Анной жили дружно. Иногда возникали незначительные споры на кухне или по поводу воспитания Вани, но дипломатичность Марьи Дмитриевны всегда сглаживала острые углы. У Анны давно вертелся на языке один вопрос, но она никак не отважившись его задать. Она хотела официально оформить опеку над Ваней. Наконец спросила. Марья Дмитриевна с радостью поддержала эту идею, сказав:

– Аннушка, кто как не вы позаботится о моем Ванечке. Я ведь уже одной ногой в могиле. Какой из меня опекун? А вы сильная, умная, успешная. Вы ангел-хранитель, посланный защищать Ванечку.

Общение с чиновниками и бюрократия даже святого доведут до белого каления, но, несмотря на все препятствия – одна, без мужа, без постоянной работы, Анне все же удалось добиться опекуна над Ваней. Многие значила поддержка бабушки Вани. Документы все были готовы. Можно было выдохнуть с облегчением.

Осенью Ваня пошел в школу. Марья Дмитриевна и Анна немного перестарались с его подготовкой к школе. Ваня умел читать, писать, быстро считал в уме, а также постиг основы английского и испанского языков. В школе Ване было скучно. Другие дети рисовали палочки с крючочками и пытались буквы складывать в слова. Он приходил с занятий надувшись, мрачный, ничего не рассказывал, но Анна и так все понимала. Она по себе знала, как раздражают учителей почему-то и всезнайки. На семейном совете было решено перевести Ваню в специ-

альную школу для одаренных детей. Ваня легко прошел собеседование и справился с тестами. Его зачислили в элитный лицей. Лицей находился в пяти автобусных остановках от дома, что довольно далеко, но это неудобство того стоило. Анна каждый день на такси отвозила Ваню в школу и забирала с занятий. Почему-то ей никогда не хотелось научиться самой водить машину. А в современной Москве автомобиль – это не средство передвижения, а нескончаемый источник головной боли. Ваня повеселел, стал с интересом относиться к учебе. В школе был отличный бассейн. Ваня очень полюбил плавание. Он плавал как маленький дельфинчик. Из воды его было не вытащить, готов был часами плескаться.

Как-то раз Ванька пришел с фингалом под глазом. Директор стала отчитывать Анну за плохое воспитание ребенка. Она, конечно, понимает, что Анна ему не мать, но нужно как угодно объяснить ребенку, что кулаками споры не решаются. Люди, на то и люди, чтобы все конфликты решать словами, а не кидаться в драку. Родители избитого мальчика возмущены и требуют исключения Вани из школы, но, принимая во внимание трагедию ребенка, школьный совет решил ограничиться предупреждением. Анна пообещала серьезно поговорить с Ваней и поклялась, что подобное не повторится.

– Еще бы они посмели исключить из школы круглого сироту. Я бы их по судам затаскала, – с досадой подумала Анна.

Разговор с Ваней действительно был серьезный.

– Ваня, что тебе сказал тот мальчик, что ты его ударил? – суровым тоном спросила Анна.

Ваня молчал как партизан.

– Ванька, ты пойми, драка – это не решение проблемы. Ты ведь умный. Найди слова, чтобы уложить противника на лопатки, и пальцем его не тронув. У каждого есть слабое место. Наблюдай за человеком, и ты его узнаешь. Бей словами по больному месту и тебя никто не тронет. Что, все-таки тебе сказал тот мальчик? – доверительным тоном спросила Анна.

– Он сказал, что я никому не нужен, только чужой тете, что мои папа с мамой меня бросили, – обиженно ответил Ванька.

– Видишь, он нашел твое слабое место и ударил по нему. А у него какое слабое место? – спросила Анна.

– Не знаю, – неуверенно сказал Ванька.

– Подумай, что с ним не так? – настаивала Анна.

– А! Так ведь он хромотает! Давно сломал ногу и хромотает! – воскликнул Ванька.

– Теперь все понятно. Он знает, что сам с изъязом и ищет изъязны в других. Сейчас понимаешь, почему он стал тебя задевать? – спросила Анна.

– Кажется, понимаю. И что мне ему сказать? – спросил озадаченный Ванька.

– Скажи ему, что твои папа и мама тебя очень любили, а ему посоветуй лечить свою ногу, а не лезть к тебе с всякими глупостями, – ответила Анна.

– Тетя Аня, а если на меня нападут с кулаками, мне можно дать сдачу? – спросил Ванька.

– Нужно! – неожиданно для Вани ответила Анна. – Но нужно уметь драться, а не просто махать кулаками. Мужчина должен уметь постоять за себя. Давай-ка я тебя запишу в секцию дзюдо. Знаешь, что такое дзюдо?

– Это такая восточная борьба, – ответил Ванька.

– Правильно. Дзюдо – президентский вид спорта. Будешь заниматься дзюдо, вдруг станешь президентом? – пошутила Анна.

Но Ваня шутки не понял.

– Я не хочу быть президентом, я хочу быть капитаном большого белого корабля и плавать в дальние страны, – с серьезным видом ответил Ванька.

– Хочешь – будешь, – сказала Анна, пригладив его взъерошенную черную шевелюру. – А сейчас пойдем ужинать.

Больше с синяками из школы Ваня не приходил. Он делал успехи в плавании, даже участвовал в городских соревнованиях среди школьников младших классов. С учебой тоже было все нормально.

Однажды ночью Ваня вбежал к Анне в комнату весь бледный, встревоженный.

– Тетя Аня, бабушка как-то странно спит. Обычно она тихонько храпит, а сейчас молчит, – испуганно прошептал Ванька.

Анна вместе с Ванькой прошли в их с бабушкой комнату. Анна взяла Марью Дмитриевну за руку. Ей стало ясно все. Сердце Марьи Дмитриевны перестало биться.

– Тетя Аня, бабушка спит? Она не заболела? – спросил Ванька.

– Ваня, бабушка спит. Она теперь всегда будет спать, – грустно ответила Анна.

– А бабушка будет спать здесь. В нашей комнате? – снова спросил Ванька.

– Нет, Ванюша. Мы завтра увезем бабушку в такое место, где все спят, – сказала Анна. – А теперь попрощайся с бабушкой. Обними ее и поцелуй в лоб.

Ваня так и сделал.

– А бабушке сейчас не больно? А как называется место, куда уносят спящих? – продолжал обстреливать Анну вопросами Ванька.

– Нет, Ваня, ей не больно, ей сейчас очень хорошо, а место это называется кладбищем, – почему-то хриплым голосом ответила Анна. – Сейчас же забирай Машку, и идите в мою комнату. И до утра чтобы не выходили. Ты все понял, Ваня?

– Понял, – буркнул Ваня и с кошкой на руках поплелся в комнату тети Ани.

Анна организовала похороны, сделала все как полагается. Марья Дмитриевна была человеком верующим, поэтому Анна наняла Батюшку и заказала отпевание в церкви. На весь день Ваньку с Машкой отправили к Елене Семеновне. Семилетнему мальчику не место на кладбище, считала Анна. Елена Семеновна ее полностью в этом поддерживала. Вечером Анна с Еленой Семеновной сидели за столом в гостиной у Анны, поминали Марью Дмитриевну, к которой Елена Семеновна относилась всегда с большой теплотой и симпатией. Ванька притихший сидел в своей комнате, смотрел телевизор. Удивила всех Машка. Она стала, как сумасшедшая бегать по всей квартире. Забежала на кухню, в ванную, туалет, заглянула даже в шкафчик для мусора под мойкой на кухне. Первой догадалась, что происходит, Елена Семеновна. Машка искала свою любимую хозяйку – Марью Дмитриевну, но ее почему-то нигде не было. Наконец Машка заметила фотографию Марьи Дмитриевны на журнальном столике в гостиной. Она прыгнула на столик и стала тереться мордочкой о фотографию. Растрогавшись, Елена Семеновна не сдержала слез. Анна тоже была готова расплакаться. Вот такая она – кошачья преданность. Людям есть чему поучиться у наших братьев меньших.

Прошел год. Анна вернулась в свою большую спальню. А Ваньке оборудовали отличную мальчиковую комнату в кабинете. Переклеили обои, купили новую мебель, даже шведскую стенку сделали. Ванька был в восторге. Он делал успехи в плавании, хорошо учился. Анна никогда не ругала его за тройки или четверки. Он сам должен понимать, что ему в жизни нужно. Ваня очень смысленный мальчик. Сама Анна, учась в школе, страдала из-за каждой случайной четверки. Дед, бабушка, мама – все в один голос говорили: «У нас в семье посредственностей быть не может! Должна быть только золотая медаль, только красный диплом, только кандидатская диссертация». Синдром отличницы – страшная вещь. Анна знала об этом не понаслышке и решила Ваньку уберечь от подобной участи. Пусть сам решает. Жизнь все расставит по своим местам.

Как-то вечером Анна с Ваней мирно занимались каждый своим делом. Ванька учил уроки, Анна наводила порядок в видеозаписях своих путешествий. Ванька обожал смотреть их, воображая, что он тоже путешествует по дальним странам.

Звонок в дверь. Анна была обескуражена, увидев на пороге двери Ваську.

– О Боже! На кого он похож! – подумала Анна.

Васька действительно выглядел как маргинал. Заросший, в засаленной куртке и дурацкой спортивной шапочке с бубоном. От него разило перегаром. Да... Такого Анна от Васьки не ожидала.

– Оба на! Ты еще не сдохла, старая стерва! Ты что, бессмертная? – приветствовал Анну Васька.

– Угадал, бессмертная. А ты, я смотрю, в шоколаде, – парировала Анна.

– Слушай мать! Тут такое дело. Я, типа, женюсь. Мне нужен развод. Ну, ты понимаешь? – покачиваясь, спросил Васька.

Анна как-то совсем не задумывалась над тем, что формально она все еще замужем. Анна вообще не вспоминала о Ваське. И вот он нарисовался. Весь такой «красавчик» и требует развод. Видите ли, ему жениться пригорело!

– Интересно было бы взглянуть на его счастливую избранницу, – подумала Анна, а вслух сказала:

– Хорошо, приходи с документами на развод. Я все подпишу.

– А как быть с совместно нажитым имуществом? – нагло спросил Васька.

– Каким имуществом? Помнится, ты переехал в мою квартиру с одним жалким чемоданом и без гроша в кармане. Я тебе ничего не должна! – воскликнула Анна в бешенстве.

– По закону все совместно нажитое имущество делится пополам. Я не дурак. Я все узнал у юриста. Ты что российские законы не уважаешь? Да ты экстремистка, – деловито произнес Васька.

– Где он этого нахватался? – подумала Анна. – А ведь закон, и вправду может быть на его стороне. Нужно посоветоваться с адвокатом. У Борюсика был один хороший знакомый, найти бы его контакты. Нужно выпроводить этого придурка и все как следует обдумать.

– Ты пьян. Лучше будет, если ты уйдешь. Нам не о чем говорить, – ледяным тоном сказала Анна.

– Мне полагается полквартиры и деньги. Я знаю, у тебя куча зеленых. Машина есть? Короче, лучше отдай все по-хорошему, а то мало ли что, – оскалился Васька, показав желтые, нечищенные зубы.

– Пошел вон, придурок! Ты мне угрожать вздумал! Убирайся, или я вызову полицию! – вне себя закричала Анна.

У Васьки глаза стали мутные, как у бешеной собаки. Даже пена изо рта пошла. Он схватил Анну за горло и сжал пальцы так, что она не могла дышать. Неизвестно, чем бы все кончилось, но на крики прибежал из соседней комнаты Ванька.

– Тетя Аня, кто это! Почему вы кричите? – испуганно спросил Ваня.

– А это что еще за щенок? Твой, что ли? – отпустив Анну спросил Васька?

– Это соседки малец. Попросила присмотреть, – хрипло ответила Анна, потирая горло.

– Дура твоя соседка, если доверила тебе своего ребенка. Я бы тебе собаку не доверил, не то, что ребенка, – сказал Васька. – Ну, короче, ты все поняла. Я ведь могу и в суд подать. Будешь там объяснять, откуда у тебя деньги. Ты ведь нигде не работаешь? – с ехидной ухмылкой спросил Васька.

– Отлично, увидимся в суде. А сейчас уходи, – устало сказала Анна, выталкивая своего бывшего за дверь.

– Мы еще увидимся, – крикнул с лестницы Васька.

– Чтоб ты сдох! – прокричала ему вслед Анна и захлопнула дверь.

У Анны дрожали руки от нервного перенапряжения. Нет, ну каков наглец! Деньги ему нужны. Все равно ведь пропьет. Пьянь проклятая! Что же делать? Борюсик бы с ним в миг разобрался. Суд был бы для Анны катастрофой. Несмотря на связь с криминальным авторитетом Боровом, для всех знакомых и соседей она сохранила свое доброе имя. Все подумали, что после смерти сына она на несколько лет уехала к каким-то дальним родственникам.

– Если не ради себя, ради Ваньки, его будущего, нужно во что бы то ни стало, сохранить свое прошлое в тайне. Интересно, а что скажет адвокат Борюсика? – думала Анна.

Адвокат думал так же, как и сама Анна. В такой щекотливой ситуации лучше заплатить. После всех путешествий по миру и бесцельного проматывания денег, от наследства Борюсика осталось около двух миллионов. Кроме того, в банковской ячейке хранились даренные Борюсиком бирюльки на сумму приблизительно в шесть миллионов. После продажи драгоценностей и снятия денег с банковского счета, на жизнь остались жалкие слезы – триста семьдесят пять тысяч рублей. На этом долго не протянешь. Нужно что-то делать. Квартира и накопления Ваниной семьи были неприкосновенны. Это его наследство и только его.

Васька сорвал куш и был на седьмом небе от счастья.

– Пусть подавится! – со злостью подумала Анна. – Он всерьез думает, что эти деньги принесут ему счастье? Он непроходимый идиот!

Документы о разводе были подписаны. Анна напряженно думала, как обеспечить привычный образ жизни себе и ребенку. Она всегда хотела открыть частную языковую школу. Сама Анна свободно владела английским и испанским языками, немного говорила по-французски и по-итальянски.

К реализации своего бизнес проекта Анна приступила на следующий же день. Имевшихся денег должно было хватить. Она арендовала подходящее помещение, закупила нужную мебель, компьютеры и оргтехнику, оборудовала лингафонный кабинет и подобрала неплохую команду педагогов филологов. Чиновники немного потрепали нервы с бюрократическим оформлением языковой школы, но все удалось уладить.

Занятия в школе велись как аудиторные, так и через интернет он-лайн. Сама Анна преподавала английский и испанский языки. Кроме того, она стала изучать китайский язык. Работа захватила ее целиком. Школа давала небольшой, но стабильный доход. На жизнь вполне хватало.

Интерес к языкам проявлял и Ванька. Анна удивлялась его энергичности. Казалось, он находится в нескольких местах одновременно. После занятий в школе он бежал на тренировки по плаванию и дзюдо, успевал сделать домашку и изучал языки. В то же время, у Ваньки находились силы и время и на компьютерные стрелялки, и на кино, и на игру в теннис на детской спортивной площадке. Анна учила Ваню тому, что знала сама, а китайский язык они изучали вместе. Было очень увлекательно.

Китайский язык удивил Анну своей мудростью. Например, иероглиф, обозначающий «мама» состоял и двойного сочетания иероглифов, означавших «женщина» и «лошадь». Точно. Так и есть! Мама – это женщина-лошадь. А стоящие рядом два иероглифа «женщина» означают ссору. Две женщины рядом – равно ссора. Куда уж точнее скажешь!

Ваню интересовало все, что было связано с Китаем – история, культура, кун-фу.

– Тетя Аня. А давай на каникулах поедem в Китай, – спросил Ванька с надеждой в голосе. – Ты ведь там никогда не была?

– Да, можно на пару недель, – сказала Анна, прикидывая в уме, во сколько эта поездка ей обойдется.

Ванька запрыгал от радости. Потом зажал виски руками, сделав узкие глазки, и стал что-то говорить по-китайски. Анна не могла лишать ребенка мечты, а деньги она найдет.

– Слушай, Ваня, я недавно фильм интересный видела. «Разрисованная вуаль» называется, так там, кажется, на Юго-востоке Китая, такая природа интересная. Круглые сверху синие горы, все покрыто какой-то экзотической растительностью, ну, прямо как в фильме «Аватар». Не хватает только летающих гор и сиреневых обезьянок. Поехали туда! – весело сказала Анна.

– Поехали! – радостно сказал Васька. – А в Шанхай мы поедem?

– В Шанхае слишком много китайцев. Там очень тесно. Тебе не понравится, – ответила Анна.

Поездка в Китай оказалась очень долгой и утомительной. Длительный перелет до Пекина, потом поезд до Гуанчжоу, короткая прогулка по которому позволила составить представление о масштабах строительства современного Китая. Ухоженный красивый и как все южные города, немного суетной мегаполис оказался даже интереснее, чем можно было предположить. Яркие витрины магазинов, слепящая глаза иллюминация, множество удивленно вертящихся по сторонам головами иностранцев и огромные потоки местного населения на центральных городских улицах – таким запомнился Анне Гуанчжоу.

Переполненные туристические автобусы позволяли гостям китайского Юга совершить короткие выезды в близлежащие города – Синьпин, Яншо, Гуйли и другие поменьше, но не менее живописные. Анна хотела было купить тур в Яншо или Гуйли, но Ванька наотрез отказался смотреть еще какой-нибудь город. Он хотел видеть только сказочные горы возле красивой белой реки. Путешествие вглубь провинции в тесном душноватом автобусе стало настоящим испытанием, хотя дороги были в завидно отличном состоянии. Анна даже пожалела, что ввязалась в эту авантюру, пока не увидела все многообразие и красоту природы Юга Китая и Ванин восторг от видов за окном.

Его можно было понять. Из голубоватой дымки тумана выглядывали сказочной формы сиреневато-голубые округлые горы, покрытые пышным ковром деревьев и кустарника. У подножия гор росли бамбуковые рощи, похожие на гигантские заросли травы. С вышины гор струящимся потоком стекала кристально прозрачная река, успокаиваясь и расширяясь по мере течения. Гид сказал, что это Чжуцзян – Жемчужная река. Вдоль ее течения встречались деревни и небольшие старинные города, привлекавшие необычностью исторических зданий многовековой давности и загнутыми вверх многоярусными красными крышами храмов. Древние города, горы, террасы, похожие на разноцветную мозаику рисовые поля на покатых склонах гор – все это создавало впечатление нереальности. Гид показал на национальную гордость Южного Китая – терявшийся в дымке облаков и тумана мост, соединяющий вершины нескольких гор. Чудо-сооружение, безусловно, являлось шедевром инженерной мысли, но оно безбожно разрушало облик невероятной природной красоты ландшафта.

Наконец приехали. Автобус остановился около небольшого городка с непроизносимым названием, на окраине которого для удобства путешественников были выстроены целые туристические комплексы с отелями и ресторанчиками. В одном из таких мини-отелей и разместилась туристическая группа Анны с Ванькой. Еда была отвратительной, а рисовое вино, вообще, редкая гадость. Но свежий горный воздух и местная экзотика, делали это место необыкновенным. Здесь в изобилии предлагались услуги разноязычных гидов, экскурсоводов и проводников в почти неиспорченную цивилизацией природу гор.

Анна выбрала пеший поход вдоль реки с восхождением в горы. Собралась компания из семи россиян, белоруса и гида украинца. Дождь в этой местности шел почти каждый день, но впечатление о красоте природы от этого становилось только ярче. Дождевики и резиновые сапоги были идеальной экипировкой при такой погоде. На отдых остановились в небольшой деревеньке у реки. Местное население было немного диковатым, сторонилось чужаков и говорило на каком-то своем диалекте. Нормальный китайский язык в нашем исполнении мало кто понимал.

Особенно Ваньку порадовал поход в горы. У всей русско-язычной группы в ушах звенело от его бесконечных: «А что это?», «Почему это так называется?» и других вопросов любознательного сорванца. Всю дорогу домой он щебетал как птичка, делясь впечатлениями. Ванька немного смутил Анну, когда в самолете громко так, что весь салон слышал, спросил:

– Тетя Аня, а где сиреневые мартышки из «Аватара»? Я видел только китайцев.

– Я пошутила, малыш. Там горы как из «Аватара», а живут там только китайцы, – скрывая смех, как можно серьезнее сказала Анна.

Как быстро летит время... Ванька уже в шестом классе. С ним все в порядке: учится, плавает, тренируется. На всякие глупости времени просто нет. Языковая школа Анны процветает. Она решила открыть аналогичные школы в Ростове-на-Дону и Краснодаре. Несмотря на нелюбовь к автомобилям, Анна, все-таки выучилась вождению, но машину покупать пока не стала.

Анну напугал звонок из трампункта – Ванька на тренировке по дзюдо сломал руку. Она примчалась в трампункт. Оказалась, ничего страшного, банальный перелом предплечья. Домой ехали в такси молча, Ванька тихонько поскуливал. Придя домой, Ванька стал реветь во весь голос, как девчонка.

– Ванюша, что, так сильно болит? – ласково спросила Анна.

– Не очень, – вытирая кулаком сопли, ответил Ваня.

– А что же ты реवेशь как белуга? – спросила Анна уже более жестким тоном.

– Мне меня жалко. Я не смогу плавать, – сквозь слезы сказал Ванька и стал еще сильнее реветь.

Анна начала тихонько закипать.

– Ну все... Я пошла звонить, – решительно сказала Анна, вставая со стула в прихожей.

– Куда звонить? – удивленно спросил Ванька.

– Как куда? Водолазам, конечно. Ты ведь решил затопить слезами всю квартиру? – жестко ответила Анна.

От изумления Ванька даже перестал плакать.

– Ты злая, – обиженно сказал он.

– Это жизнь злая, а я хочу, чтобы ты вырос сильным и смелым мужчиной, а не ноющей размазней, – смягчившись, тихо произнесла Анна.

Этот урок Ванька надолго запомнил.

Время шло. Ванька вырос, стал говорить басом, над губой начали пробиваться усики. Ванька заканчивал девятилетку. Продолжать учиться в школе он не хотел, да и Анна его в этом поддерживала. Что там делать два года? Мечта детства о море у Вани так и не прошла. Он по-прежнему хотел стать капитаном большого белого корабля и плавать по морям. Видя это, Анна решила отдать Ваню в новороссийскую мореходку, точнее, Морской колледж при Государственном морском университете имени адмирала Ф.Ф. Ушакова на специальность «Судовождение».

Аттестат у Вани был хороший. Не отличный, но это играло второстепенную роль. Главное, медицинских противопоказаний у него никаких не было. Ваня вообще очень редко болел. За все детство несколько раз подхватил простуду, а в пятом классе заболел ветрянкой. Спортивный, накаченный, среднего роста – вырастет настоящим моряком. С такими мыслями Анна отвезла Ваньку в Новороссийск. Ваню Соболева приняли в колледж, заселили в общежитие, а тете Ане оставалось только помахать на прощание ручкой и вернуться в пустую московскую квартиру. Машка, и та ее бросила, предпочтя жить у Елены Семеновны. Видимо сентиментальные старушки были ее слабостью.

Анна вернулась домой. Одна. Опять одна. Анна не бала настолько эгоистичной, чтобы держать ребенка при своей юбке и, ради собственного удовольствия, сломать ему жизнь, но как же ей будет не хватать Ваньки. Три языковые школы давали неплохой доход. Лично заниматься ими, как прежде, необходимости не было. Анна, наконец-то, могла посвятить время себе. Ей было душно от одиночества в этой квартире, душно было в шумной Москве. Дико хотелось вырваться отсюда, куда-нибудь уехать. Анна могла себе позволить провести пару недель на лазурном берегу Франции или в Италии. Она это заслужила.

Глава третья. Шутка Богов

Анна сидела за столиком кафе Вероны, потягивая красное вино. Ей было откровенно скучно. Ванька каждый день звонил по телефону, иногда выходил на видеосвязь. У них там с этим было строго. Дисциплина железная. Занятия спортом приучили его к дисциплине, поэтому проблем быть не должно. Главное, Ваньке нравилось. Нравилось буквально все. Он грезил морем с детства и был на пути к своей мечте.

– Пусть все Ванькины мечты сбудутся, – загадала желание Анна, допивая бокал сухого Мерло.

Она уже собралась уходить, когда увидела кое-что интересное. В кафе зашла одна пара. Он – не слишком красивый, но очень элегантный, в костюме с иголки светловолосый мужчина средних лет. Она – болезненно худая, с каким-то затравленным взглядом, но модно и дорого одетая, красиво подстриженная дама лет сорока пяти. Они прошли мимо Анны, но женщина, вдруг остановилась, как-то тревожно посмотрела на Анну, подошла к ней со словами:

– Я вас знаю! Вы Анна. Но где я могла вас видеть, хоть убейте, не помню.

Перед Анной стояла Александра Жмыхова, та самая Александра, которая погубила ее сына и ее жизнь.

– Боже мой! Она меня даже не узнала! – пронеслось в голове у Анны. – Она причинила мне столько зла, и даже не помнит меня.

Анну удивило то, что Александра ее вообще не узнала. Несмотря на ухоженный вид, она выглядела странно. Сама Анна ее с трудом узнала. Время, конечно, меняет людей, но чтобы так изменился взгляд!? Раньше Александра смотрела на всех самоуверенно и высокомерно, свысока, как бы сквозь человека, как будто перед ней пустое место. Этот взгляд она, по-видимому, унаследовала от отца. Тот также смотрел на людей. Сейчас перед Анной стояла какая-то тревожная, болезненного вида женщина, очень неуверенная в себе.

– Добрый день, Александра. Я вас тоже помню. Мы встречались когда-то в Москве по делам. Это было очень давно, – вежливо сказала Анна, собираясь уходить.

– Я плохо помню, что было в Москве. Я почти ничего не помню из своей прежней жизни, – тихо сказала Александра, почему-то испуганно оглянувшись по сторонам.

Спутник Александры, не дождавшись, пока его представят, представился сам:

– К вашим услугам Герман Мюллер, супруг Александры, – улыбаясь, сказал он.

– Что он в ней нашел? – недоумевала Анна, а в слух сказала:

– Рада знакомству, гер Мюллер.

– Никаких «гер Мюллер», для вас я просто Герман, – весело произнес Герман Мюллер. – Я родом из России – поволжский немец. В середине девяностых мы с родителями эмигрировали в Германию, но сейчас я по делам компании CNTF-Corporation часто бываю в России.

Анне ничего не оставалось сделать, как пригласить обоих за свой столик. Ведь нечасто встретишь соотечественников в Вероне. С ума сойти, она с ненавистной Александрой спокойно сидит за одним столиком в кафе. В кошмарном сне такое не привидится, честное слово, но самое интересное, что Анна ничего не чувствовала – ни боли, ни гнева, ни обиды. Ничего! В своем нынешнем виде Александра могла вызвать только какое-то брезгливое чувство жалости, не более.

Герман настоял на том, чтобы заказать шампанское и легкую закуску. Александра продолжала тревожно озираться по сторонам, заглядывая незнакомым людям в глаза, как будто ища кого-то.

– Ну, как говорят в России, будем здоровы! – сказал Герман, поднимая фужер с шампанским.

Видя странноватое поведение жены, Герман спросил:

– Дорогая, ты выпила свои таблетки?

– Да... – неуверенно промямлила Александра.

Потом она вдруг встала, сказав, что ей нужно выйти в дамскую комнату, и удалилась.

Когда она ушла, Герман грустно вздохнул и поведал Анне их семейную тайну. Оказывается, у Александры была дочь, но ее похитил маньяк-насильник. Бедная Александра перенесла сильнейшее нервное потрясение и до сих пор до конца не восстановилась.

– А маньяка поймали? – со святым лицом спросила Анна, округлив от ужаса глаза.

– Нет. Не нашли ни его, ни девочку! – ответил Герман. – Сколько не искали – все напрасно.

– Какой ужас, – сказала Анна, беря свою сумочку. – Я рада была знакомству, но, извините, мне правда нужно уходить. Всего доброго.

– Может, в России свидимся, кто знает!? – сказал Герман, помахав рукой на прощание.

Пообщавшись с этой странно негармоничной парочкой, Анна начала понимать глубинную суть их отношений. По-видимому, Герман был совсем не глуп, женившись на миллионах старика Жмыхова, перешедших к его дочери. Александра была совершенно беспомощна и во всем зависима от него. Анна готова была поклясться, что такой харизматичный, обаятельный мужчина, как Герман, имел связи на стороне.

Почему-то Верона навевала на Анну тоску. Вся эта суета вокруг истории несчастных влюбленных ее угнетала. Любовь... Как будто у кого-то в действительности она есть. Сплошные иллюзии. Чем глупее человек, тем дольше он счастлив от своих иллюзий. Он верит в то, во что хочет верить и видит то, что хочет видеть, пока реальность наотмашь не ударит и не расставит все на свои места. Ромео и Джульетте, можно сказать, повезло – они не успели разочароваться друг в друге и возненавидеть жизнь. А если нет никакой любви? Такие вопросы мучили душу Анны, когда она возвращалась в отель.

Из Вероны Анна поехала в Рим. Вечный город ее не разочаровал. Анна искренне пожалела, что она не историк. Восторг от древних развалин и беломраморных колонн был бы, наверное, в разы сильнее.

– Нужно будет сюда съездить с Ваней на летних каникулах. Он точно оценит этот древний город по достоинству.

Анна, наверное, и не вспоминала бы встречу с Александрой в Вероне, если бы через месяц после возвращения из европейского путешествия она случайно на улице не встретила Германа. Его назначили торговым представителем CNTF-Corporation в российском филиале. Компания занималась робототехникой и на российском рынке, как уверял Герман, у нее было большое будущее.

Герман обрадовался встрече с Анной, как будто они старые приятели, а не случайные знакомые.

– Анна, вы стали еще красивее. Холодный московский воздух вам явно идет на пользу, – улыбаясь, сказал Герман, целуя Анне руку. – Может, мы сегодня поужинаем в каком-нибудь уютном ресторанчике? Как вы на это смотрите?

Анна и вправду выглядела прелестно в небесно-голубом кашемировом пальто с пышным крашенным в тон лисьим воротником, модных сапожках на высоком каблуке и с маленькой белой сумочкой от Шанель в руках. Она выглядела очень энергичной, здоровой и смотрелась намного моложе своих лет.

Герман был очень галантным и невозможно было противостоять его обаянию. Если бы Анна встретила Германа при других обстоятельствах, она наверняка закрутила бы с ним роман, но делить мужчину с этой тварью Александрой... Ей стало противно от одной этой мысли. Сославшись на важные дела, Анна вежливо распрощалась с Германом, кляня в душе Александру. И здесь она умудрилась ей напакостить самим фактом своего существования.

Герман относился к категории тех любвеобильных мужчин, которые не могут принадлежать какой-то одной женщине. Брак для него являлся лишь коммерческой сделкой, однако к жене он относился очень нежно, с большой заботой и вниманием. Герман заводил романы везде, где появлялся. Это для него был стиль жизни, сама жизнь. В каждой женщине он находил свою неповторимую красоту и очарование. Он коллекционировал в своем необъятном сердце образы, лица, запахи и звуки, воспоминания о прикосновениях... Герман искренне верил, что каждую женщину делает счастливой, и горячо любил каждую из своих любовниц, но только в тот период, когда был с нею наедине.

Как-то раз после удачной сделки русские деловые партнеры пригласили его отметить это знаменательное событие. Один из них – Леонид Сорин, предложил отправиться в некое особенное местечко:

– Ну что, друзья, мы слишком хорошо поработали, пора и поразвлечься. Я знаю один закрытый клуб для особенных гостей. Там великолепный ресторан, сауна, а девочки – высший класс! – он закачал головой, как будто она у него закружилась. – Сами увидите. Ну что, едем?

Герман уже предвкушал новое приключение. Юрист Илья Борисович Хвостиков построил кислую физиономию и скептически скривился, но противиться не стал. Старший помощник Германа – Александр Иосифович Майер больше заинтересовался высокой кухней. Любителя вкусно поесть в нем выдавали три подбородка и большой жирный живот. Каждый из названной четверки погрузился в свою иномарку и они торжественной колонной отправились в тот самый «закрытый клуб».

Было около полуночи. Высокий забор, охрана, автоматические ворота, и вот они уже подъезжают к особняку по широкой, выложенной разноцветной плиткой, площадке. Герман с приятелями вошел в довольно большой полукруглый зал, по всей окружности оборудованный платформами, похожими на пляжные смотровые башни. Причем, платформы находились на разной высоте: одни – почти вровень с барной стойкой, другие – в середине пространства, третьи – почти под самым потолком. На каждой такой платформе извивалась в такт музыке полуобнаженная танцовщица. В зале на большой, медленно вращающейся платформе, стояли столики с прозрачными столешницами и такие же прозрачные округлые кресла с низенькими спинками. В воздухе легкая сигаретная дымка смешивалась с ароматами еды и алкоголя. Яркое разноцветное освещение платформ контрастировало с полумраком площадки, на которой стояли столики. Смелый современный дизайн придавал этому месту эlegantный шик.

Компания бизнес-друзей разместилась за одним из таких столиков. За столиком в противоположном конце платформы русские бизнесмены обхаживали делегацию японцев. За другими столиками тоже сидели какие-то люди. Пили, ели, весело смеялись. Было еще слишком рано, поэтому большая часть столиков пока пустовала. Пик посещаемости заведения приходился на два – три часа ночи.

– Стильное местечко, – подумал Герман.

Заказали еду. Она тоже выглядела как из фантастического фильма. Глядя на художественно украшенное содержимое тарелки, невозможно было предположить, что есть что и каково оно на вкус.

Пили виски. Много болтали ни о чем. Юриста Хвостикова как-то слишком быстро развезло. Александр Иосифович тихонько возмущался маленькими размерами порций. Сорин нес всякую чепуху, а Герман с интересом разглядывал стоявших у барной стойки красоток. Вокруг столика все время шнырял администратор-коротышка. Желая угодить гостям, он был готов исполнить любое их желание.

– Сорин, а ты не соврал, девочки здесь и вправду настоящие красотки, – наконец сказал Герман, допивая очередную порцию виски. – Как с обложки глянцевого журнала.

Девушки заведения действительно были настоящими красавицами, каждая по-своему. Брюнетки, блондинки, рыжие. Белые, азиатки, шоколадные мулатки. Выбери любую. Они

группками стояли у барной стойки, заразительно громко смеялись, постреливая глазками в своих потенциальных клиентов.

Возле столика возник администратор-коротышка.

– Господа, какую бы девочку вы ни выбрали, клянусь, вы не пожалеете, – доверительным тоном шепнул он гостям с намертво приклеенной профессиональной улыбочкой.

Юрист Хвостиков, вместе с длинноногой мулаткой покачиваясь, пошел в номера на верхнем этаже.

За столиком остались трое. Александр Иосифович продолжал гурманить, лениво поддерживая разговор. Сорин переглядывался с хорошенькой азиаткой, а Герман застыл, словно в оцепенении.

Среди всех этих шумным красоток он увидел ангела. Она стояла в стороне от остальных девушек, как будто ее с ними ничего не связывало. Длинные светлые чуть выющиеся волосы доходили до самых бедер. Огромные светло голубые глаза отрешенно-мечтательно смотрели в никуда. Фарфорово-белое кукольное личико не выражало никаких эмоций. Герману пришла в голову мысль, что эта необычная девушка выглядит так, словно она не на работе в клубе развлечений, а стоит в церкви на службе. Она выглядела юной и очень хрупкой. Ее тоненькую фигурку облегалo длинное в пол серебристого цвета блестящее шелковое платье с глубоким декольте и разрезом сбоку.

– Ее глаза, как утреннее весеннее небо, – подумал Герман. Он не мог оторвать от нее взгляд ни на секунду. – Она, как будто сошла с полотна Боттичелли.

Проследив за направлением его взгляда, администратор-коротышка одобрительно кивнул.

– Ее зовут Магдалина. Фантастическая девушка. Настоящая профессионалка. У нее немного не в порядке с головой, но пусть это вас не беспокоит. Будет даже веселее, – сказал он на ухо Герману. – Ее услуги будут стоить чуть дороже. Надеюсь, вас это не смущает? – продолжал администратор вкрадчивым голосом.

– Ничуть. Я согласен на любые условия, – ответил Герман, не отрывая взгляда от небесной блондинки.

Поднялись в просторный светлый номер с большим зеркалом напротив широкой кровати. У Германа аж тряслись руки от волнения и возбуждения. У него было много женщин, но такой необычной девушки он никогда не видел. Он никогда не видел, чтобы во время секса девушка шептала молитву. Магдалина превзошла все его ожидания. Она была такой хрупкой, что, казалось, стоит обнять ее крепче, и она либо с хрустальным звоном рассыпется на тысячи осколков, либо превратится в облако и улетит на небо. У Германа кружилась голова. Боже, как она не была похожа на других девушек ее профессии с дерзким смехом и томной поволокой глаз.

– Тебя и вправду зовут Магдалина? – спросил Герман, играя с ее платиновыми кудрями.

– Здесь – да. Но в детстве меня звали Вера, – ответила девушка.

– Вера... – мечтательно повторил Герман. – Тебе это имя очень подходит. Можно и я буду называть тебя Вера? – спросил он.

– Желание клиента для меня закон, – ответила Вера с легкой улыбкой.

Герман обратил внимание, что Вера никогда не улыбается глазами, лишь краешками губ. Смеха ее он также ни разу не услышал.

– Что такая девушка делает в этом месте? – подумал Герман. – Ей здесь совсем не место. Как она здесь очутилась?

Он спросил:

– Давно ты здесь, крошка?

– Почти столько, сколько себя помню. Свое детство я почти не помню. Помню, мы жили с бабушкой в двухэтажном домике. Вокруг был парк с качелями. Потом меня привезли сюда. Я ни разу не выходила за пределы этого дома.

Герман был в шоке. Эта прелестная девушка всю свою недолгую жизнь была пленницей данного заведения? Как такое может быть? Он всегда думал, что продажная любовь – это профессия, которую выбирают добровольно. Ему страстно захотелось вырвать эту несчастную девушку из клетки, увести с собой на край света, защитить от всех бед. Но как это сделать? Да и захочет ли она с ним уехать?

– Вера, а ты хотела бы покинуть это место? Тебе интересно, что там – за высоким забором? Какой мир скрывают от тебя люди, заточившие тебя здесь? – спросил Герман.

Немного помолчав, Вера ответила:

– Я не знаю другого мира, кроме того, который здесь, за стеной.

– Ты бы доверилась мне? – с надеждой спросил Герман?

– Не знаю, – растерянно ответила Вера. – Я и тебя совсем не знаю.

– Вера, ты хоть понимаешь, какая ты необыкновенная? Я потерял дар речи, когда увидел тебя. Смотрю на тебя, и мне кажется, что ты сейчас развернешь за спиной большие белые крылья. Ты так похожа на ангела. Тебе не место здесь. Я сниму нам квартиру. Мы будем жить вместе, любить друг друга. Я для тебя ничего не пожалею, исполню любые твои желания. Соглашайся! Уедем со мной! – с мольбой в голосе просил Герман. Он использовал все свое красноречие.

Вера грустно улыбнулась.

– Возможно ли такое? – тихо произнесла она.

Чуть помолчав, она продолжила:

– Да меня и не отпустят отсюда. Уверенна, что не отпустят.

– Это я беру на себя. Я договарюсь, заплачу любую цену, но ты будешь моей, только моей! – с горячей убежденностью воскликнул Герман. – Я сейчас же пойду и поговорю с администратором. Я сумею его убедить отпустить тебя.

Он встал, быстро оделся и вышел. Администратор-коротышка был чем-то сильно взволнован и возмущен. Даже профессиональная улыбка, казалось, отклеилась. Герман начал разговор о Вере, то есть Магдалине. Уговаривал его, предлагал любые деньги.

Нервы администратора стали сдавать, напускная вежливость стала отклеиваться так же, как и улыбка.

– Откуда ваша проклятая компания свалилась на мою голову? – кричал он в бешенстве. – Один психопат зверски отстегал ремнем мою чернокожую крошку. Кому теперь нужна меченая девка? Другой хочет забрать самую шикарную телку...

Он аж задохнулся от возмущения. Герман надеялся на разговор в другом тоне. Он продолжал настаивать. Наконец, коротышка-администратор сдался, назвав фантастически крупную сумму с шестью нулями. Герман подписал чек, ни секунды не раздумывая. Он поднялся в номер, схватил Веру за руку и навсегда увел ее из клуба. Вера была в одном лишь серебряном платье. Герман, накинув ей на плечи свой пиджак, довел ее до машины и поспешил уехать из этого места. Он, как-будто боялся, что администратор может передумать и не отпустить Веру.

Для начала Герман привез Веру в отель. Вопреки обыкновению, он не позвонил жене сообщить, что задерживается по работе. Он вообще не мог думать ни о ком, кроме Веры. Неужели это любовь из расчетливого ловеласа Германа сделала безумного пылкого возлюбленного? Он совершенно потерял голову из-за этой девушки и нисколько об этом не жалел. Таких сильных чувств он не испытывал ни разу за всю свою жизнь. Он хотел взлететь на небо с этой похожей на ангела девушкой и никогда не возвращаться на грешную землю.

На следующий день Герман снял уютную квартирку в новом районе Москвы и перевез туда Веру. У нее не было ничего, кроме надетого на нее серебряного платья на тонких бретель-

ках. Он не жалел денег на одежду, украшения и всякие безделушки. Каждый раз, приходя в их любовное гнездышко, он приносил с собой белые розы и какую-нибудь мелочь для дополнения уюта в квартире.

Вера, казалось, искренне радовалась перемене в своей жизни. Она была неизменно мила, послушна во всем, предупредительна и по-прежнему грустна. В ее глазах, кажется, навсегда поселилось выражение кроткой покорности судьбе. Сколько ни старался Герман, он так и не смог увидеть улыбку в ее глазах и услышать ее смех.

Герман решил! Он сегодня же поговорит с женой и потребует развод.

Разговор с Александрой получился намного сложнее, чем предполагал Герман. Она в исступлении кричала:

– Ты не можешь так со мной поступить! Ты бросаешь меня из-за какой-то девки? Думаешь, я конченная дура и не знаю о твоих шашнях на стороне. Я все терпела ради нашего брака. Я тебя купила. Ты живешь на мои деньги и ты мой. Где бы ты был сейчас без меня.

Да... Александра не так уж сильно и изменилась.

– Я оплатила все твои долги и через связи отца помогла устроиться в России. Кем ты был в Германии? Ничтожным клерком? Это я сделала из тебя человека! – в истерике кричала Александра.

Герман не знал, что и ответить. Она была права во всем. Он действительно всем был обязан Александре. Если бы не она, он все еще копался бы в пыльных бумажках во второразрядной берлинской канторе, а может быть и того хуже. Но как же быть с Верой. Он не мог жить без нее. Она была его жизнью.

Не придумав, что сказать, он молча вышел из квартиры, сел в машину и поехал к Вере в их маленький Рай.

Александра что-то кричала ему вслед, но он этого не слышал, да и не хотел слышать. По пути он остановился у цветочного ларька, по обыкновению купил белые розы, и поехал дальше. Александра не могла разубедить его быть счастливым. Никто и ничто не смогло бы!

С такими мыслями Герман подъехал к дому, поднялся в квартиру, где его ждала Вера.

Александра совершенно обезумела от горя и гнева. Она и так все понимала. Понимала, что «деловые встречи», из-за которых муж не приходит ночевать домой, случаются слишком часто. Она видела, что поведение Германа в течение последних двух месяцев совершенно не похоже на прежнее. Она научила себя не обращать внимание на его постоянные интрижки. В целом, Герман был заботливым мужем. Но в последнее время он сильно переменялся.

Однажды Александра, после того как муж отправился на очередную вечернюю деловую встречу, выскочила следом, поймала такси и велела водителю незаметно ехать за БМВ мужа. Так она узнала о его тайном любовном гнездышке, но саму виновницу разлада в их семье ей не разу так и не удалось увидеть, сколько она не караулила в машине. Как-то раз Александра даже поднялась на третий этаж, долго стояла под дверью квартиры, в которой ее муж предавался любви с другой женщиной. Простояв около часа, она так и не решившись нажать кнопку звонка, молча поехала домой.

Сейчас ее перехлестывали эмоции: обида, ревность, боль, нестерпимое ощущение, что ее предали. Она вытащила из тайничка старый отцовский пистолет ТТ, с 90-х годов бережно хранимый на всякий пожарный случай. Долго не раздумывая, Александра кинула пистолет в сумочку и выбежала из квартиры, с треском захлопнув за собой дверь. Она села в такси и назвала новый адрес своего мужа. Приехав по нужному адресу, Александра решительно поднялась по ступенькам на третий этаж и позвонила в дверь. Герман открыл, едва успев намотать полотенце вокруг бедер. Позади него стояла совсем молоденькая светловолосая девушка в коротеньком белом шелковом халатике. Он бала так оскорбительно молода и красива.

Александра достала из сумочки пистолет и почти в упор выстрелила Герману в лоб, затем выстрелила в девушку, потом снова в Германа, а опять в девушку. Так она расстреляла всю

обойму. Патроны уже закончились, а она механически все нажимала и нажимала на курок. Наконец она отбросила, пистолет в сторону и, как лунатик, не видящий дороги, пошла вниз по лестнице.

Боги сыграли с Александрой очень злую шутку. Сама того не зная, она своими руками застрелила собственную дочь. Свою жизнь Александра также погубила. После двойного убийства ее уже никогда не выпустят из психиатрической больницы.

Глава четвертая. Подарок судьбы

Анна общалась по скайпу с Ваней, когда раздался звонок в дверь. Она распрощалась с Ванькой, с досадой думая:

– Кого там черт принес? Не могли прийти в другое время.

На пороге стояла рыжая веснушчатая девчонка лет восемнадцати, не больше. Из под нелепой широкой юбки в мелкий цветочек выпирал округлившийся животик, а глаза смотрели по-щенячьи испуганно и тревожно.

– Здрасьти! Простите, вы Анна? – неуверенно спросила она.

– Ну, кому Анна, а кому Анна Викторовна, – ответила Анна, скептически, с ног до головы, оглядывая эту нелепую девчонку.

– Извините, Анна Викторовна, – проямлила рыжая девчонка. – Я Амалия Морковкина, но все зовут меня Алька. Я подруга Вани. Он сказал, я всегда могу к вам обратиться за помощью.

Анна еще раз с удивлением посмотрела на эту странно одетую испуганную девчонку. Ваня и эта невзрачная, убого одетая девочка... Как-то это плохо укладывалось в голову. Ванька вырос тем еще сердцеedom. У него, кажется, в каждом порту было по девушке. Он добился всего – чего хотел. В двадцать шесть лет он уже был старшим помощником капитана круизного лайнера. Он много странствовал по морям и океанам, как и мечтал в детстве. Дома его можно было увидеть крайне редко. Иногда Ваня знакомил тетю Аню со своими девушками, но они всегда были ярким красотками, ухоженными модницами с длинными блестящими волосами и высокими каблуками. Стоявшая перед ней серая мышка с ними ничего общего не имела. – Что Ванька мог найти в этой дворняжке? – Ответ на этот вопрос Анна не могла получить, как ни старалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.